

Любовь не помнит зла

Автор:

Вера Колочкова

Любовь не помнит зла

Вера Александровна Колочкова

О мечте, о любви, о судьбе

В самом страшном сне не приснится то, что случилось в одночасье с Лесей Хрустальной – она не только потеряла близких родственников, но и стала жертвой злой прихоти всесильного Командора, работодателя мужа. Супруг трусливо обвинил ее и остался служить Командору, а она оказалась выброшенной на улицу без денег, без жилья, с маленьким племянником на руках... Так начались их мытарства, и жизнь не обещала никакого просвета. Стоило ли верить гадалке, которая предсказала Лесе, что ее утраченное счастье вернется, просто потому, что счастье все равно всегда возвращается. И ей, Лесе, как притаившейся траве под снегом, всего лишь нужно дожждаться тепла.

Вера Колочкова

Любовь не помнит зла

– Слушай, отстань, а? Не верю я никаким гаданиям! Да еще и за деньги. Я ж не совсем идиотка, чтобы последнюю копейку за болтовню отдавать. – Леся сердито дернула плечом, отвернулась к мойке, начала яростно скрести металлической губкой по пригоревшему дну сковородки.

Черт, все котлеты из-за этой дуры Ритки спалила! Зачем-то позволила ей затащить себя в гости «буквально на одну минутку», проявила в очередной раз душевную мягкотелость. Нельзя, нельзя Ритке ни в чем уступать, сколько уже

было подобных душевных приказов подписано, а толку? Все равно ж зашла и в томительные переговоры вступила с этой дурацкой гадалкой – которую Ритка в гости привела – и бляяла что-то невразумительное, интеллигентское.

Извинялась зачем-то. Как будто гадалке так уж важны причины отказа от процедуры насильственного выуживания на свет чужого будущего. Она ж не за «спасибо», а за определенную мзду его выуживает. Пусть эту мзду Ритка сама за себя и платит, а ей подобные и сомнительные удовольствия не по карману. В общем, так долго отказывалась, что аккуратно котлеты успели сгореть. Что ж, сама виновата! Надо было сразу разворачиваться да уходить. Молча. Без извинений и объяснений. Всегда хорошее решение приходит задним числом, тащится хвостом досады за уже содеянным. А Ритка, дурища, еще и в кухню за ней притащилась: встала за спиной и теперь к совести ее женской взывает. Интересно, совесть-то тут при чем?

– Леськ, будь человеком... Жалко тебе, что ли? Чего ты отказываешься? Она ж недорого берет. Неужели тебе совсем неинтересно, что с тобой дальше будет?

– Нет, вообще-то мне интересно, конечно, только дорого. Ты где эту Матильду откопала, Рит? Да еще и домой ее привела...

– Да бог с тобой, Леська! – Выпучив глаза, Ритка воровато оглянулась на дверь комнаты, прошептала с жаром: – Ты что! Это же замечательная гадалка. И никакая она не Матильда, ее Мирославой зовут. Она же та самая. Которую по телевизору показывают. Ну, которая ночную передачу ведет. Как ее?..

– «Уроки судьбы»? – подсказала Леся, продолжая с остервенением драить сковородку.

– Точно... «Уроки судьбы». А ты что, тоже эту передачу смотришь?

– Нет. Не смотрю. Видела один раз, когда Илья с температурой под сорок лежал, а я уснуть боялась. Там она вроде посимпатичнее была и улыбалась очень уж душевно, даже помурлыкать хотелось в экран. А к тебе в гости совсем другая приперлась. Облезлая, старая и злая, и в каждом глазу по пятьдесят долларов светится. В итоге сто получается.

– Так там же, на телевидении, им грим накладывают, прежде чем перед камерой посадить. А что, тебя только ее внешность смущает?

– Да ничего меня не смущает. Отстань, а? Видишь, из-за тебя мы с Илькой без ужина остались? Все котлеты сгорели! Теперь придется в магазин идти.

Вздыхнув, Рита шагнула к холодильнику, вытащила из морозилки упаковку сосисок, в сердцах бухнула на кухонный стол. Звук получился сердитый, холодный и глухой.

Леся вздрогнула, обернулась от мойки:

– Ты чего там буянишь, Рит?

– Твой Илька сосиски больше любит, я знаю. Так что фиг с ними, с котлетами. Считай, что вопрос с ужином снят. Ну пошли?

– Отстань. Никуда я не пойду.

– Имей совесть, Леська! Понимаешь, я ей обещала, что еще кого-нибудь приведу. Она бы из-за меня одной ни за что не пошла! Выручи, Лесь...

– Рит, ну не могу я! Не понимаешь, что ли? Откуда у меня лишних сто долларов? Я тебе за комнату триста плачу, а зарплата у меня – сама знаешь...

– Ладно, хрен с тобой. Уговорила. Пусть будет сто долларов в счет квартплаты. Вместо трехсот отдашь двести.

– Да я ж не к тому...

– А я к тому! Хватит со сковородкой обниматься, пошли уже!

Сбитая с толку таким поворотом событий, Леся легко позволила Ритке оттащить ее от мойки и впихнуть в дверь гостиной. Гадалка Мирослава, растекшись грузным телом по Риткиному дивану, мирно закусывала чем бог послал. Неплохо послал, кстати. Прямоком из Риткиного холодильника. Та всегда вкусную еду про запас держит. Стратегический гостевой пакет, в котором имеют место быть и крабы, и красная икра, и всякие игрушечные баночки с такими же игрушечными огурчиками-помидорчиками.

Кокетливо утерев уголки напомаженного рта большим и указательным пальцем, гадалка дожевала деликатесную вкусноту, сделала последний контрольный глоток, потом приказала Ритке сурово:

– Убери все со стола, чтоб ничего, чтоб ни крошечки не осталось.

Потом, развернувшись толстым животом к Лесе, кивнула одобрительно:

– Хорошо, что ты все-таки надумала. На меня еще никто не жаловался. Слушай, что говорить буду, и верь. Я и без карт уже вижу, что плохого за тобой нет. Чистая ты до убогости, потому и обиженная.

– В смысле – до убогости? Вы что имеете в виду? – подняла на нее удивленные глаза Леся. – Вы хотите сказать, что я глупая, да? Или больная-нищая?

– Хм... Почему сразу глупая? Я наоборот, я в хорошем смысле. А ты думаешь, убогими одни только глупые да нищие бывают? Как бы не так... Убогий – это который рядом с богом.

Вздыхнув, она извлекла невесть откуда, как фокусник, старую колоду карт, сосредоточилась на секунду и, дрогнув полными щеками, начала ловко выкидывать их по одной на стол. Карты плюхались тяжело рубашками вниз, как масляные холодные оладьи, и Мирослава вглядывалась в них сосредоточенно, сурово сведя широкие брови к переносью. Леся тоже начала вглядываться, придав лицу выражение заинтересованности, будто и впрямь что-то понимала в этом действе. Хотя, как она подозревала, ничего особенного в этом гадании и не было. Они в детстве с девочками тоже, бывало, на картах гадали и присваивали выпавшим на круг королям имена знакомых мальчишек. Сережка из шестого «Б» – крестовый король, а Дениска из седьмого «А» пусть уж, так и быть, червовым будет... В данный момент, как она ни вглядывалась, ни одного короля в Мирославиных руках так и не промелькнуло. Ни бубнового, ни крестового, ни захудалого червового. Дамы были в полном составе, а королей – хоть шаром покати. Зря только Ритка пожертвовала на нее сотню долларов. Лучше б деньгами отдала. Можно было бы Ильке новые ботинки на зиму купить. А так...

О господи! Стоило ей подумать только, и короли эти тут как тут явились! И бубновый, и пиковый выпали, сложились рядышком. Что ж, интересно. Пожалуй,

стоит послушать, коли такой разврат пошел.

– Тяжело живешь, вижу, с трудом свою лямку тянешь. Чужое дитя воспитываешь, – монотонно проговорила Мирослава и замолчала, задумавшись.

Леся хмыкнула про себя, но снаружи недоверия не выказала. Ладно, пусть дальше чешет. Послушаем. А про трудную жизнь, лямку и чужое дитя гадалка Мирослава могла и от Ритки узнать. Хотя какой Илья чужой? Он не чужой, он племянник.

– ...Все у тебя было раньше. Как по писаному было. А потом ничего не стало. Коришь себя да проклинаешь, а только не виноватая ты. Злодей пиковый в твоих бедах виноват. А ты – нет, ты душой чистая. Хоть и была в одержимости, а душенька чистой осталась.

Мирослава поджала губы, нахмурила лоб. Потом долго еще смотрела в раскинутые по столу карты, кивала медленно и многозначительно, будто готовясь произнести самое важное. Наконец выдала оптимистической скороговоркой:

– А знаешь, все у тебя снова будет, милая! То же самое тебе на второй круг падает. И утерянное вернется, и даже больше вернется, чем думаешь. Через пикового злодея и вернется. Хотя нет, не через него, пожалуй... Пусть он и рядом. Через чужое дитя вернется. Ты просто перетерпи, милая. Холодно тебе, а ты терпи. Живи, как трава под снегом, и терпи! Пригнись. Видела, как майский снег на траву падает? Какая травинка затихла и пригнулась, та и выживает. И ты жди. Чужое дитя тебя к светлому теплу приведет.

– Это что значит? Она снова замуж выйдет, что ли? – ревниво подала голос со своего места Ритка.

– Так на то воля злодея будет... Хорошая воля. Да и злодей не злодеем обернется... – лукаво глянула на нее Мирослава и коротко пожала плечами: чего, мол, тут непонятного. И для достоверности ткнула пальцем в самую сердцевину карточного расклада и постучала острым ногтем по замасленному лицу пикового короля. – Видишь, рядом с ним десятка пик легла? Ну вот. А в ногах – бубновая жизнь...

– Хм... Ничего не поняла! – капризно переспросила Ритка, внимательно вглядываясь в карточный круг. – Это что значит, Мирослава? Про злодея-то? Странно даже. Какой же он злодей получается, если по его воле Леська таки мужика себе найдет? Всем бы такую злодейскую волю! А мне, значит, ни злодея, ни мужика самого завалящего не выпало... Так, что ли?

– А у всех судьба разная, милая. Ты в прибытке живешь, и бога благодари. А ее снегом обсыпало. Ступаешь – и больно.

– Кому? Кому больно? – с тихим раздражением переспросила Ритка, подняв тяжелые глаза на гадалку.

– Так траве... Той, которая под снегом...

Леся сидела, стараясь не вслушиваться в эту галиматью. Для того хотя бы, чтоб не заплакать. Потому что очень уж лихо Мирослава относительно травы под снегом высказалась, не убавишь и не прибавишь. А остальное – чушь собачья. Про светлое тепло, про злодея. Особенно про хорошую волю этого злодея, которая должна для нее семейное счастье определить. Ага, сейчас. Больше этому злодею делать нечего, как о ее счастье заботиться. Чего-то напуталось в этом месте у гадалки Мирославы, точно напуталось. Карты не так легли. И Риткино раздражение совершенно напрасно изливается досадливой завистью. Что ж, ее тоже можно понять – зря за гадание платила? За то платила, чтобы вызнать все про чужого злодея, который ее жиличке прекрасное семейное будущее обеспечит? Нет, ну точно, галиматья.

– Все, больше гадать некому, Рита? Желающих больше нет? – деловито собрала со стола карты Мирослава и быстро глянула на Лесю ждущими алчными глазами. Чего расселась, мол, деньги давай.

– Леськ, неси свои сто долларов! – на лету подхватила Мирославину алчность Ритка. – Чего сидишь, уши развесила? Еще одного короля ждешь?

– Так мы же вроде... – предприняла Леся попытку напомнить ей о давешних благородных зачетных соглашениях, но тут же и осеклась. Чего это она, в самом деле? Ритку не знает, что ли?

– Ага, размечталась! А вот этого не хочешь? – с готовностью выставила Ритка перед ее носом фигу. Фига получилась очень выразительная, с багровым идеальным ногтем, с нервно двигающейся туда-сюда фалангой большого пальца. Произведение искусства, а не фигу. Леся отодвинула от нее на всякий случай лицо, покачала головой то ли обреченно, то ли с пониманием. А может, и так и этак. А что, бывает же. Особенно если человек живет себе слабой травой, мерзнет под снегом. И ничего ему не остается делать, кроме как заниматься пониманием да обречением перед каждой самоуверенной фигой.

– Ты, значит, будешь вся при мужиках да при злодеях, а я за это платить должна? – пояснила свою позицию Ритка. – Мне, значит, пусто, а тебе густо? Так, что ли? Крутой бульон из-под яиц получается?

– Да ерунда это все, Рит... – начала было оправдываться Леся, но тут же осеклась, заметив обиженное лицо Мирославы. Хотя не столь оно было обиженным, сколько грустно насмешливым. Тяжело поднявшись с дивана, она произнесла тихо, поправляя складки черной атласной блузки-разлетайки, плавно переходящей в широкую с вензелями и блестками юбку:

– Да заплати, заплати, не жалеи. Потом вспомнишь, что я тебе сказала, и благодарна мне будешь.

– Хорошо. Я сейчас принесу, – покорно поднялась из кресла Леся. – Спасибо вам.

– Спасибо за гадание не говорят. Ты пойми, совсем не брать я тоже не могу... Знаю, что последнее отбираю, а не могу. Я ж не целительница, я гадалка. Да и вернется тебе, сто раз вернется.

Стодолларовая бумажка была и впрямь последней – лежала в дальнем отделении кошелька, заныканная от своих же глаз. Не то чтобы тупо впрок, а так, просто на всякое «вдруг». Непредвиденное, пугающее. Хотя как может защитить от этого непредвиденного и пугающего жалкая стодолларовая бумажка? Разве что символически, одним фактом присутствия в дальнем отделении кошелька. А раз так, то и бог с ней. Хотя лучше было бы Ильке новые зимние ботинки купить.

Мирослава ждала Лесю в прихожей, уже одетая в короткую норковую шубейку. Молча вытянув из Лесиной руки заветную купюру, Мирослава тут же сунула ее в

карман и шагнула за порог, не попрощавшись. Шибануло в нос крепкими цветочными духами, дрогнул и тихо звякнул от хлопка двери декоративный колокольчик в проеме кухни. Другой колокольчик, уже побольше и потяжелее, висел в дверях гостиной, но его расшевелить было уже не так просто. Если только лбом об него шарахнуться. Ритке-то, в отличие от нее, было хорошо, она ростом не вышла, а Лесе постоянно приходилось получать от него тычки за свою долговязую рассеянность. Семь лет она здесь жила квартиранткой, и семь лет билась об эту примочку, когда заглядывала в хозяйскую гостиную за разной надобностью.

Ритка вообще была любительница всяких приспособлений, которые по всем канонам фэншуй обязывались приманивать в дом семейное замужнее счастье. И зеркала у нее висели по-особенному, и кровать стояла в нужном месте, чтоб спать головой куда надо, и стеклянные пирамидки вкупе с фарфоровыми ангелочками красовались везде, куда ни плюнь. Даже работу она себе нашла «на дому», чтоб не растрчивать свое потенциальное домохозяйское счастье на офисную карьеру. Была Ритка по профессии бухгалтером, обслуживала несколько мелких фирм, ходила сдавать квартальные отчеты в налоговую четыре раза в год, особым трудом себя не напрягая. Но счастье все равно запаздывало. Загуляло где-то Риткино счастье в лице приличного мужчины, способного довести бедную девушку до Дворца бракосочетания. А заводить абы каких и ни к чему не обязывающих отношений Ритка не хотела. Как она объясняла, чтобы время зря не терять и святое место будущего супруга не осквернять паскудным адюльтером. Потому и Лесю с Илькой она на постой пустила, что никоим образом они ее личную жизнь не нарушали по причине отсутствия таковой. Как Ритка полагала – временного отсутствия. Да и Лесины деньги, вносимые ежемесячно за съемную жилплощадь, лишними в хозяйстве не были. «Живите пока, – гостеприимно распахнула она двери третьей, никак ею самой не используемой комнаты, самой маленькой, кстати. – Но как только замуж соберусь, чтоб в один день шмотки повязали и исчезли. Я скажу, когда надо будет исчезнуть. И не пищи, что с малым дитем тебя на мороз выкинула, поняла? Уговор такой».

Леся тогда, конечно же, на все Риткины условия быстренько согласилась – деваться было некуда. А про себя подумала: не зря говорят, что нет ничего более постоянного, чем заранее оговоренное временное. Потому что шансов занять счастливую семейную жизнь у Ритки было совсем уж маловато. Природа, когда ее человеческий облик лепила, не то чтобы посмеялась, а, скорее, похихикала тихо. Или, может, в этот момент в кривое зеркало с бодуна смотрелась. Потому и не поскупилась на диспропорции. Нет, все тут было очень

даже по-женски соблюдено – и до минимализма узкие плечи, и широчайший зад, и ноги-руки из своих положенных мест произрастали, но присутствовала при этом огромная какая-то неувязка. Может, хлипкий Риткин верх слишком уж резко переходил в мощный округлый низ, может, руки были некстати полноваты, а ноги, наоборот, удивительным образом для низа худы... А если прибавить к этому еще и природную буйную волосатость, которая доставляла бедной женщине массу неудобств, и нос аккуратной картошечкой, и узкогубый рот, и маленький кошачий подбородок, то ничего и не оставалось, как только пожать плечами в сторону затейницы-природы да обратиться к ней мысленно с вопросом: «Сама-то хоть знаешь, чего наделала?» Правда, глаза у Ритки были хороши, тут уж к природе никаких претензий не было. Видно, напоследок уже опомнилась. Глаза у Ритки были как у княжны Марии Болконской – большие, глубокие и лучистые. Правда, у толстовской княжны эти лучи были теплые и светлые, чего уж о Риткиных «лучах» никак нельзя было сказать. Холодные они были и колкие, на жизнь несправедливую обиженные. Хотя в те редкие моменты, когда брезжила на горизонте надежда, выдавали они все, что природой было задумано, – и тепло, и свет, и таящуюся в глубине и ждущую своего часа мягкую счастливую женственность.

Обидно только, что надежда соизволила брезжить для Ритки нечасто. Да и не сама по себе она являлась как таковая, а выуживалась на свет из разных источников исключительно Риткиными руками. Из Интернета, например, с сайта знакомств. Вот уже семь лет Леся была свидетельницей этих знакомств – у каждого своя история, да такая, что хоть садись да роман пиши. С прологом и грустным эпилогом. А два года назад Ритка даже в Италию умудрилась съездить по гостевой невестинской визе. Целый месяц там прожила. Леся по прошествии этого месяца струхнула было, начала вещички потихоньку собирать. А потом Ритка вернулась – взбудораженная вся. Трещала захлеб про прекрасную страну Италию, где была да что видела, но про жениха – ни слова. Леся и не спрашивала, на рожон не лезла. Чего спрашивать? И так все ясно. Потом на горизонте появился вдовец с двумя детьми, потом холостой маменькин сынок промелькнул, потом чуть к брачному аферисту в лапы не попала, да разглядела его сволочизм вовремя. И все. И ничего больше стоящего. Так, бегала на какие-то свидания по мелочи. Подружки у Ритки были из числа сердобольных и замуж крепко пристроенных и с удовольствием принимали участие в Риткиной судьбе, отыскивая ей где ни попадя холостого кавалера. И рекомендовали. И хвалили. И телефон Риткин давали. А потом цокали языком в телефонную трубку: ну надо же, мол, несправедливость какая и что им, этим мужикам, еще надобно...

Леся в глубине души Ритку очень жалела. И уважала по-женски – она бы точно так не смогла, выдержки бы не хватило. Будь у нее даже своя квартира – все равно не смогла бы. Да и кому она нужна, пусть бы и с квартирой?.. Осколок разбившейся жизни, вот она кто. Правду говорила гадалка Мирослава – все у нее было, а теперь ничего за душой не осталось, кроме племянника Ильки. Кстати, о племяннике. Время семь часов, а он где-то бродит... Надо бы выбрать время да в школу сходить. А вдруг у него там неприятности? Хотя нет, пока идти не стоит. В прошлый раз на родительском собрании деньги собирали, а у нее не было. И сейчас нет. На гадалку последние потратила. Идиотка легкомысленная. Нет, что это за зверство такое – каждый раз деньги на ремонт школы собирать? И где он, этот ремонт, покажите? Прямо грабеж с разбоем посреди бела дня.

Вздыхнув, она со злостью схватила лежащий на столе пакет с Риткиными сосисками, запихнула в морозилку, от души хлопнув дверцей. Не надо ей подачек, раз так! Подойдя к плите, приоткрыла крышку кастрюли – картошка давно уже разварилась. Сейчас Илька придет, а она ему эту картошку под нос... Нет, он ничего не скажет, конечно. Съест молча. Еще и спасибо скажет, проглотив эти тоскливые углеводы. Но она-то, она-то распрекрасно знает, как сильно растущему организму белки необходимы! А если знает, надо гордость да обиду спрятать в одно потаенное место и не побрезговать Риткиной щедростью. Тем более что Ритка не оценит этого поступка. Слопает сосиски сама за милую душу и глазом не моргнет.

Нет, по самому большому счету она неплохая баба, эта Ритка. Просто не везет ей. А живут они с ней, можно сказать, душа в душу. Если действительно по большому счету. А малым счетом и кочевряжиться не стоит при нынешних сложившихся обстоятельствах. Черт бы их побрал, эти обстоятельства. И черт бы побрал эту хренову ясновидицу – разбредила-таки душу! Ну да, действительно, было у нее все, конечно же, было. А только не ее это дело. Еще и советы дурацкие дает про майскую траву... Тоже нашла чего советовать! Пригнись, мол, и жди, когда снег растает! Такое и всякий дурак посоветовать может, коли другого ничего не остается. Неуместный совет получается, когда ты одна-одинешенька на всем белом свете, и ума у тебя не палата, и племянника надо белками кормить, и за комнату платить, и тянуть как-то лямку, которую на заре жизни тянуть никто не учил... Мама, папа, почему вы меня этому не учили? Почему бросили, ушли в мир иной, оставив одну на холодном ветру?

Леся шмыгнула носом, с досадой отгоняя жалость к себе, и принялась выуживать из кастрюли разваренные картофелины. Немного подумала и

шагнула к холодильнику, достала упаковку с сосисками, сердито разодрала толстую вакуумную упаковку. Как плохонькая тигрица, добывшая кусок мяса своему детенышу. Бросив три сосиски в воду из-под картошки, подумала, потом бросила еще одну. Себе. Эта последняя сосиска совсем уж доконала ее: кухня поплыла перед глазами, извиваясь сквозь слезную пелену причудливыми плавными формами. Даже захотелось поплакать в голос – что же это со мной творится, мамочка с папочкой? Как жить дальше, как тянуть непосильную лямку? Одними воспоминаниями жить и остается. Да, все у нее было. Действительно было...

* * *

Жили они бедно, но весело. Квартирка была для семьи из четырех человек маленькая, всего лишь кирпичная «хрущоба» с двумя комнатами-клетушками, зато дом находился в хорошем месте – выходишь из подъезда, и городской парк начинается. Гуляй – не хочу. В маминой-папиной комнате, по совместительству служившей и гостиной, стояла старая, но добротная мебель, и потому менять ее ни у папы, ни у мамы не возникало никакого резону: диван-книжка исправно распахивался на ночь, двустворчатый шкаф с тяжелым зеркалом стоял себе на толстых ножках и вмещал ровно столько одежды, сколько было в доме, и даже круглый стол, плотно занявший место посреди комнаты, послушно превращался при необходимости в длинный и овальный, и скатерть на нем стелилась нарядная, из прабабкиных запасов, холщовая, в едва заметную крапинку из ниточных узелков, которые отчего-то воспротивились процессу отбеливания и предпочли прожить свой вещный век в натуральном дерюжном цвете. Мама очень гордилась этой прабабкиной скатертью. Говорила, что от нее идет особая энергетика ушедших поколений. Хотя ни одного прославившегося или знаменитого у них в семье в тех поколениях не водилось. Обыкновенные все были люди, земские врачи да сельские учителя, бухгалтеры да юристы. И мама с папой тоже были обыкновенные, рядовые, с инженерными специальностями. И прочно за них держались даже тогда, когда весь народ со своих насиженных научно-исследовательских стульев сорвался и дружно рванул в капитализм за лучшей долей. Не захотели папа с мамой жить, как все порядочные люди, в материальной озабоченности. Говорили – духом проживем. И детей научим.

И действительно – учили. По крайней мере, старались. Девочки, старшая Александра и младшая Олеся, а по-домашнему Саша и Леся, росли здоровыми и крепкими, как два огурца на грядке под солнцем. Каждое раннее утро, даже святое для детского сна воскресное, под руководством папы обтирались

мокрыми жесткими полотенцами, завтракали полезной овсянкой, после школы ходили в бесплатную, чудом сохранившуюся детскую изостудию при Доме культуры железнодорожников. А еще знали наизусть много чего хорошего из детской классики, с самого раннего детсадовского возраста шпарили на утренниках Агнию Барто и Корнея Чуковского так, что от зубов отскакивало. Особенно преуспевала в развитии верткая Саша, а Леся за сестрой чуть опаздывала. Саша в пять лет уже читала бегло, в восемь Агнию Барто в сторону отставила, перескочив на классическое подростковое чтение – Майн Рида и Фенимора Купера, – а потом и вовсе начала читать все без разбора. Вернее, ей казалось, что без разбора. Родители, конечно же, тактично подсовывали ей именно то, что, по их разумению, нужно было, и зорко следили за тем, чтоб не попало в этот стремительный водоворот развития интеллекта ничего пошлого. Потому что, не дай бог, не удастся привить ребенку вкус к хорошей литературе. Это была бы совсем уж катастрофа, как искренне полагали мама с папой. Действительно, как же бедный ребенок в таком случае дальше жить будет? Без хорошей литературы-то?

Леся, когда подросла, к огорчению родителей к чтению не пристрастилась. Как они над ней ни бились. А потом, перестав огорчаться, родители отступили, рукой махнули. Ребенок здоровый, веселый, жизнерадостный – и без интеллектуальной загруженности обойдется. Другая у нее дорога, значит. Тем более к пятнадцати годам превратилась Леся из невзрачного подростка в настоящую красавицу, хоть на подиум иди. Правда, до подиума дело не дошло. Тут уж мама с папой не то чтобы воспротивились, а выставили хитрое условие относительно достижения дочкиного совершеннолетия, втайне надеясь, что как раз к совершеннолетию эта блажь и пройдет. На том все и успокоились, объединенные общей радостью, Саша в тот год с блеском сдала вступительные экзамены в университет на бесплатное бюджетное место, подтвердив тем самым правильность родительского выбора относительно духовных жизненных приоритетов.

Они очень любили друг друга, мама с папой. Сидели вместе, как в песне поется, на белом облаке, держась за руки и свесив ножки. Счастливые, абсолютно нашедшие друг друга люди, добрые, ребячливые, всегда чем-то восхищенные. «Оля! Оля! Иди скорее в комнату! По телевизору Любарова показывают!» – с выпученными от восторга глазами появлялся в дверях кухни папа, и мама бросала стряпню – гори оно огнем в самом буквальном смысле! – и мчалась вслед за папой в комнату, и оба замирали у телевизора, внимательно вслушиваясь и зорко всматриваясь в экран. Из своей комнаты прибегала Саша, тоже становилась в этом ряду, тоже вслушивалась и всматривалась. И Леся тоже смотрела – из уважения к их приткому духовному интересу. Там, на экране, был

дядька как дядька. Из деревни Перемилово. Хотя не простой, конечно, дядька. Художник. Голова не стриженная, глазищи большие и грустные, лицо худое и одухотворенное, чуть порченное простительной для гения пагубной привычкой. Потом камера под комментарий корреспондента выхватывала его картины, и Леся едва заметно пожала плечами – господи, ерунда какая... Чем они так дружно восхищаются, интересно? Какие-то деревенские мужики и толстые краснолицые бабы, то ли пляшут, то ли над полем летят, а то и вовсе среди облаков плывут, и на настоящих женщин и мужчин совсем не похожи, а просто будто похулиганил немного художник. Она в детстве и то лучше рисовала...

– Нет, ты посмотри, Паш, чудо какое!.. – с придыханием говорила мама, положив руку на грудь. – Он же по самому лезвию ножа идет и держится! Просто изумительный, просто гениальный баланс... Это ж надо, так суметь прочувствовать абсолютно тончайшую грань между карикатурой и примитивизмом и плясать на ней. Было бы на чем! Воистину дух живет в этом художнике неисчерпаемый, удивительный. А ведь такая же тварь земная и человеческая, как мы все.

– Да, да, ты совершенно права, Оленька, – тихо вторил ей папа, не отрываясь от экрана телевизора. – Удивительное, просто потрясающее явление этот Любаров...

Камера, будто услышав про дух, вновь развернула объектив к лицу бородатого художника, и мама, чуть подавшись вперед, ойкнула испуганно, увидела, будто этот самый дух, о котором толковал папа, идет через экран прямо к ней, Саша медленно покачала головой, полностью одобряя мамин восторг и не отрывая взгляда от худого бородатого лица с острыми глазками. Ей тоже было все понятно и про лезвие ножа, и про чуткий талант, и про необыкновенный дух художника. Леся чувствовала себя в такие моменты совсем неловко, будто чужая им была. Стояла тихонько за их спинами, сопела уважительно. Нюхом чуяла, как на кухне котлеты горят. Но с места ступить не смела, боялась нарушить момент истины. А потом репортаж с выставки оборвался, уступив место другим новостям, и разом ушел из комнаты дух вместе с истиной, и мама, ойкнув, опрометью бежала на кухню к сгоревшим котлетам, папа пошел по своим делам, а Саша села за письменный стол под лампу с зеленым стеклянным абажуром, в круге света которого были навалены горой учебники и мелко исписанные тетради с конспектами. Глядя на нее, Леся думала: и охота же ей так над книжками пропадать?

Нет, вообще она Сашу очень любила. И гордилась старшей сестрой-отличницей. Искренне гордилась, с большим удовольствием. И даже более того, охотно признавала свою сестринскую вторичность. И даже когда Саша, насмешливо улыбаясь, говорила о том, что «насчет большого умца для младшенькой боженька поскупился», не обижалась, а подтверждала сей факт мимолетной улыбкой. Ну да, поскупился. Не любила она над книжками сидеть, хоть убей. Не умела «уплыть в строку и междустрочье», как умели это делать и мама с папой, и старшая сестра. Зато она любила их всех, и они ее любили. А у телевизора замереть, когда там какого-нибудь художника Любарова или композитора Губайдуллину показывали, она вместе с ними из обыкновенной семейной солидарности могла. Жалко ей, что ли? Пусть сама и не видела в этот момент никакого духа, и не чувствовала, но раз папа с мамой от него замирали, значит, он есть. А уж посидеть между папой и мамой, когда, к примеру, идет по телевизору концерт Андрея Макаревича, – воистину бесценное удовольствие. В этом человеке, по их мнению, тоже дух присутствовал в огромном количестве, и они тихо переговаривались через голову Леси:

– Нет, это просто удивительно, Оленька... Послушаешь, вроде и голос у него так себе, правда? И музыка – не сказать чтоб шедевр, и внешность... Но ты посмотри, какое дивное сочетание стихов и музыки получается! Каково единение!

– Да. Да, Пашенька, ты прав, как всегда, – тихо качала головой мама, светлея лицом. – Настоящий талант в особой форме и не нуждается. Он сквозь эту форму перетекает целостностью, потому что просто присутствует. Духовная энергия через междустрочье стихов плещет и создает особую плотность восприятия.

Леся улыбалась блаженно, закрыв глаза и прижавшись к теплему маминому плечу, вслушивалась в отрывистые строчки про то, как певец на «кухне пил горький чай» и очень переживал за свою любимую, которая страсть как любила «летать по ночам» и могла в одночасье взять да и «забыть дорогу домой». А потом она чуть размыкала веки, чтоб взглянуть в лица родителей. О, это тоже было, между прочим, зрелище! Вот папа поворачивал голову, смотрел на маму... Так смотрел, будто это не песенная героиня, а мама только что вернулась из ночных полетов, целая и невредимая. Дорогу домой, слава богу, вспомнила. Такое вот счастье у папы на лице было написано. А Макаревич тем временем уже про другое пел...

Все это было хорошо, конечно. Тепло, светло и замечательно. Другое было плохо – носить нечего. С модной одежкой в их доме была катастрофа. Нет, попросить, конечно, можно было, они напряглись бы из последних сил, купили бы... Однако просить почему-то не хотелось. Не вписывались модные одежные просьбы в их быт. Хотя сестру Сашу, когда она поступила в университет, приодели от души, чтоб не чувствовала себя новоявленная студентка неловко. Но опять же, отнеслись к процессу покупки одежек будто играючи, не придавая ему жизненной первостепенности. Леся, с завистью разглядывая Сашины обновки, в первый раз тогда пожалела, что вымахала на две головы выше – даже и костюмчика сестринского в школу надеть нельзя. Казалось бы, все для пятнадцатилетней девицы необходимое у нее было, но, если по совести, для полноценной жизни многого не доставало. Не было, например, стильных джинсов со стразами, не было пиджаков модного цвета «фуксия», или тех же коротких платьев из цветастого легкого трикотажа, которые так хорошо смотрятся с высокими сапогами из толстой кожи с расшитым цветными нитками голенищем. Собственно, и сапог у нее никаких тоже не было, а стояли в прихожей ботинки черные на среднем каблучке, удобные и прочные. Ноги в слякоть не промокали и то хорошо. Что еще нужно ребенку для счастья? Так мама искренне полагала. А папа так вообще от этого всего далек был – двадцать лет носил на работу один и тот же старенький костюмчик. Если бы в одночасье случилось чудо и утром на плечиках оказался другой костюм, новый и модный, папа бы и не заметил. Надел бы и пошел. И как прикажете признаваться им, родным и любимым, в своих низменных и совсем недуховных страстях?

С одеждой выручала подруга Верка из соседнего подъезда. Чистое золото была эта Верка. Хотя почему – была? Она и сейчас есть. Единственный оставшийся свидетель той спокойной и счастливой жизни рядом с мамой, папой и сестрой Сашей. Хотя Верка совсем тогда не считала, что Лесина семья представляла собой какую-то особенную ценность. Бедно жили. Что в этом хорошего-то? Потому, наверное, и Лесю жалела, и от души делилась модным гардеробом, на который не скупилась для подрастающей дочери Веркины родители. Бились в работе как рыбы об лед, но дочку наряжали во все самое лучшее. Чтоб не хуже других была. Чтоб упрека людского не достаивалась. Хорошую одежду, ее ж люди глазом видят и по ней дочку оценивают, а без духовного воспитания она все равно как-нибудь проживет, уж с голоду точно не зачахнет, и на том спасибо.

Переодевалась Леся в Веркины одежки тайно. Это была у них целая процедура, продуманный и просчитанный во времени процесс, в котором надо было учесть каждую мелочь. Например, Лесе надо было перед школой выскочить из

подъезда вовремя и затаиться где-нибудь во дворе, подкараулить момент, когда Веркины родители на работу уйдут. Потом пулей бежать к подруге, напяливать приготовленные заранее одежды и уже вместе с Веркой идти в школу, чтобы не опоздать на первый урок. После школы процесс обратного переодевания проходил уже в более спокойной обстановке – и Веркины, и Лесиные родители были еще на работе. Правда, существовала опасность встретить по пути из школы сестру Сашу, но они учитывали и этот момент – пробирались домой дворами, и Верка, подходя к дому, первая выходила на разведку и делала знаки поджидающей за углом соседнего дома Лесе, когда путь к обратному переодеванию был свободен. Хотя повстречать родителей, будучи обряженной в модные Веркины одежды, Леся особенно и не боялась – наверняка они бы ругать ее за это не стали. Не страх дочерний ею двигал, а, скорее, неловкость за свое предательство и явное отступничество от семейного духа. Да и Верку подводить не хотелось. Ее родители бы точно не поняли доброты дочери...

Так они и жили в семейной любви и Лесином тайном и никому не обидном отступничестве, пока не постигло их испытание любовью другого рода. На первом же университетском курсе вспыхнул и разгорелся у Саши роман с женатым преподавателем. Настоящий, большой, с бурными страданиями и ночными рыданиями в подушку, с истерикой, плавно переходящей в депрессию, с маминой валерьянкой и папиным жалким лицом и полным плюс к тому непониманием ситуации. Действительно, как же можно было так жестоко воспользоваться юной неопытной девочкой и вскружить ей голову? Взрослый человек, семейный, профессор почти... Папа даже хотел идти к нему выяснять отношения, но мама не пустила. Сказала, еще хуже, мол, сделаешь. Саша потом не простит. Может, и зря не пустила... Закончился этот роман Сашиной беременностью. Об этих двух фактах – о кончине романа и о собственной беременности – Саша и сообщила родителям в одночасье, а они приняли оба эти факта со смирением. В самом деле, чего огорчаться-то? Все же хорошо кончилось. Девочка больше любовью несчастной не мучается, а ребенок... Да это же прекрасно, что будет ребенок! Обоих дочек вырастили, и внука вырастят. Мама поплакала с Сашей на кухне, утерла ей слезы и тут же пообещала декретный отпуск на себя как на бабушку оформить, чтоб Саша дальше учиться смогла. В общем, полный семейный хеппи-энд вышел, с какого боку ни посмотри.

Илька родился здоровым и крепким и на удивление спокойным. Даже в младенчестве не плакал, а будто извинялся за свое неожиданное в семье появление, кряхтел вежливо: подойдите, мол, хоть кто-нибудь, смените пеленки; извините, что описался и побеспокоил. И они все в едином порыве на это кряхтение бросались, будто пытаясь доказать ему свою любовь и абсолютно

желанное в этом доме присутствие. Леся даже в какой-то момент про свои одежные страдания забыла и перестала по утрам забегать к Верке, чем обидела ее до невозможности. Потом, правда, они помирились, вместе гуляли по двору, и Леся с гордым видом катила перед собой коляску, будто коляска давала ей некое женское преимущество перед всеми Веркиными сапогами, французской косметикой и прочим.

А через три года и Лесе судьба подарила бурный роман, короткий и яркий, и, в отличие от Сашиного, благополучно закончившийся свадьбой. Случилось это аккурат после выпускных школьных экзаменов, когда у мамы с папой голова шла кругом от мыслей, куда бы пристроить младшую дочку на обучение. Хотя бы в техникум, что ли? Иль в училище хорошее? Самой Лесе вообще было все равно, из какого заведения получать бумажку об образовании – никакой тяги к определенной профессии у нее не было. Один ветер был в голове, веселый и солнечный. Почему, интересно, плохим человеческим признаком считается, когда ветер в голове дует? Кто такую ерунду придумал? Неужели это не здорово, когда улыбаться хочется каждому прохожему на улице, когда есть у тебя мама и папа, которые любят друг друга и умеют быть счастливыми от одного только не понятного никому, кроме них, междустрочья, когда бежит к тебе навстречу из ясельной группы двухлетний племянник Илья, раскинув от радости пухлые ручонки? От всего, от всего хочется улыбаться и пропускать легкий ветер через голову. А с серьезными лицами и без ветра в голове делаются самые глупые и нехорошие дела на свете, так, кажется, говорил барон Мюнхгаузен из комедии Марка Захарова, которую часто любят смотреть мама и папа?

Вот так же и будущему мужу она улыбнулась. Легко и солнечно. И он ей. Хотя Игорю в тот момент улыбаться как раз никакого резона не было. Леся, выходя из дверей супермаркета и зазевавшись, от души проехала по его белой рубашке шоколадной глазурью мороженого. Он повернулся было, чтоб высказать свое отношение к происходящему, но тут же и обмяк от Лесиной улыбки, и произнес весело, показав пальцем на подтекающее в ее руке мороженое:

– Вот растяпа... Дай хотя бы откусить, что ли, раз измазала!

– На! – мгновенно откликнулась Леся на его веселую реакцию. Вышло у нее это смешно и искренне, как у доброй и милой, совершенно случайно напроказившей дитяти, неловко измазавшей шоколадом большого дяденьку, и обоудная смешинка пробежала меж ними легкой забавой, задрожала крохотной искоркой

в моментально образовавшемся общем пространстве.

А он и впрямь тогда откусил от ее мороженого. Наклонился и откусил вполне торжественно, причмокнул губами и даже изобразил полученное сверхудовольствие. Народу не было никакого особого дела до того, что там у этой застрявшей в дверях парочки происходит. А что, собственно, происходит? Стоят молодые люди, улыбаются друг другу, мороженое едят. Их толкают во все стороны входящие и выходящие, а они все равно стоят, все равно облизывают подтекающее от июньской жары мороженое. По очереди. Вот такое знакомство у них получилось романтическое, хоть кино снимай. Кто-то сильно толкнул Лесю в спину тележкой, и она подняла удивленно бровки, будто спрашивая взглядом у своего кавалера: чего это такое было? Он первым опомнился, взял ее под локоток, повел прочь от толпы, от людских глаз. А потом мороженое кончилось. И пошло-поехало, словно пленка в том фильме побежала в ускоренном режиме, торопливо подгоняя сама себя, – прогулки, улыбки, первый скороспелый поцелуй, и вот уже до неодолимой и обоюдной тяги молодых организмов дело дошло, и голова прочь, и «не могу без тебя», и «люблю», и «никому не отдам»...

В общем, к концу лета Леся была представлена родителям Игоря не просто как «моя девушка», а как «моя невеста». Они и не возражали, поскольку родители жениха все справки о юной пассии сына к тому времени успели навести. Не зря же будущий Лесин свекор, Алексей Иванович Хрусталев, на этом профессиональном деле собаку съел. Одно время даже свое сыскное агентство держал, пока на более сытные хлеба в частную охрану не подался. Да и анкета у Леси была та, что надо. Родители вполне приличные люди, тихие, интеллигентные. Бедные, правда. Но это даже и хорошо, что бедные. Значит, девчонка не избалована, будет мужнин хлеб уважать и копейку ценить. И со здоровьем у нее полный порядок, карточка в поликлинике тонюсенькая-претонюсенькая оказалась, еле нашли. Ни одна болезнь глаз не зацепила, кроме всенародной гриппозной. Так отчего ж выбор сына и не одобрить? Возраст подошел – пусть жену в дом ведет. Благо что дом действительно позволял, как раз к тому времени и отстроили. В хорошем месте, в престижном пригороде, рядом с усадьбой хозяина, за чью драгоценную жизнь вот уже пятнадцать лет подряд отвечал отец Игоря, будучи начальником службы охраны. Потому и дом свой построил рядом – так хозяин велел. Забор в забор. Чтоб всегда под боком. Доверенное лицо все-таки. Да и вся жизнь семьи Хрусталевых, как потом уже Леся разглядела, была повернута лицом к этому забору. И душами тоже была повернута. Не задаром, конечно. Хозяин эту «повернутость» высоко ценил, даже и в демократичность некую порой любил удариться, и в гости на рюмку коньяку захаживал запросто, и в баньке по субботам с Алексеем Ивановичем попариться

любил. И жена Алексея Ивановича, Татьяна Сергеевна, со всеми женами хозяина передружить успела, начиная со старой, доставшейся с молодости, и кончая третьей, молодой амбициозной модельершей. Правда, к моменту свадьбы и поселения Леси в доме наметился уже модельершин исход – хозяин себе новую жену присмотрел. Молоденькую сериальную актрису. И находился в состоянии легкой эйфории от первых ухаживаний, то есть щедро засыпал юное дарование цветами и бархатными коробочками, таящими там, внутри, на мягкой подушечке, осуществление мечты каждой приличной девушки о самых лучших своих друзьях. И к свадьбе Игоря, сына преданного Алексея Ивановича, хозяин отнесся вполне благосклонно – почтил ее своим присутствием. Появился в дверях, как статуя Командора – они, кстати, все его так и звали – Командор, – скользнул по невесте глазами, и Лесья сжалась вся, будто холодок внутри пробежал. И было ему от чего пробежать. Никогда на нее с таким холодным интересом не смотрели. Не было в этом интересе ничего живого и человеческого. Так примеривается несчастный язвенник к куску сырого мяса в остром маринаде, с какого боку его шампуром проткнуть и на угли положить, а потом глазеть с неприязненным вождением, как он будет шипеть и исходить молодым мясным соком. И не потому, что шибко съесть хочется, а процесса ради. Раз не моя еда, значит, и не вкусная. Лесю даже передернуло немного, и Игорь торопливо погладил ее по руке – ничего, мол. Не бойся. Я с тобой. На то он и хозяин, чтоб иметь право смотреть, как ему хочется. И потянул ее вверх под локоток – пора было целоваться. Командор так возжелал. Блеснул холодными глазами, выплюнул сквозь твердокаменные губы – горько! Все гости тоже со своих мест повскакивали, кося глазами на Командора, подхватили нестройным хором это «горько». На секунду глаз выхватил лица родителей – совсем нездешние. Не вписались они в это застолье, сидели, вжавшись друг в друга плечами, улыбались вежливо и осторожно. Мама в платье с белым воротничком, с гладкими волосами, папа в старом костюме и новой рубашке, торчащей колом из засаленных лацканов. Вроде и молодые еще, а как два старичка. На миг Лесино сердце дернулось – так их жалко стало. Это уж потом она поняла, отчего сердце дернулось. Не от жалости, а от предчувствия.

Через два месяца родителей у Леси не стало – погибли совершенно по-глупому. То есть сначала погиб папа – пырнули ножом хулиганы какие-то. Прямо у мамы на глазах. Возвращались из гостей поздним декабрьским вечером, холодно было. Чтоб сократить путь, шли дворами. И надо же им было на эту злобную хмельную толпу набежать? Нет чтоб стороной ее обойти! Папа пьяненький был, вздумал замечание сделать, мол, все спят уже, а вы, молодые люди, на всю улицу сквернословите... Нехорошо, мол. Вот «молодые люди» и не стерпели. Окружили, бить начали. А потом еще и ножом... «Скорая» его уже мертвым в

больницу привезла. А мама от инфаркта умерла. Тут же и свалилась, когда ей об этом объявили. Потом хоронили – много друзей, народу всякого пришло. На поминках плакали, обнявшись, тихо пели любимую песню – как это здорово, мол, сидеть вдвоем на облаке и, свесив ножки вниз, друг друга называть по имени...

Леся тоже плакала. Наверное, горше всех. Игорь все время был рядом, поддерживал. И Татьяна Сергеевна тоже рядом была. Тоже поддерживала, называла ее нежно «доченькой». И Алексей Иванович денег на похороны дал. Не поскупился.

А Саша не плакала. Не могла, наверное. Смотрела на происходящее сухими больными глазами, будто спрашивала присутствующих: как жить-то теперь? Одной, с ребенком? Зарботка никакого не было, до диплома – еще год учебы... Татьяна Сергеевна, добрая душа, и ее тоже обласкала – обещала помочь. Приходи, сказала, в наш дом за любой надобностью, поскольку ты сестра нашей Олесечки. Саша только кивнула медленно и скорбно: да, приду. Куда ж я денусь? Приду, конечно. Спасибо на добром слове.

Жизнь у Саши после смерти родителей и впрямь не задалась. Трудно было. До диплома дотянула, а вот с работой ничего хорошего не выходило. Часто приходила к Лесе, оглядывала вполне благополучный дом, поджимала губы с досадой. Совсем не шло к ее и без того сердитому маленькому лицу это выражение досады. Леся уж и не знала, как угодить сестре. И виновато соглашалась на ее упреки в незаслуженном везении. Действительно, несправедливо все вышло. Саша и умнее, и лучше Леси во всех отношениях была, и образование высшее получила, а судьба к ней отчего-то счастливой стороной не торопилась поворачиваться. А младшую сестру, глупую, совсем не духовную личность, взяла да и обласкала. В один из таких приходов Саша отвела Лесю в сторону, проговорила решительно:

– Слушай, Леськ, я вот думаю квартиру продать...

– Да? А зачем, Саш? – захлопала удивленно ресницами Леся. – А где ты жить будешь?

– А нигде. Я в Америку хочу уехать. Представилась такая возможность. По фиктивному браку.

– Ой... Как это – по фиктивному? Я не понимаю, Саш.

– А тебе и не надо ничего понимать. И не старайся. Не твоего умца это дело. Пристроила свою глупую задницу и сиди. Ты же у них, в этом доме, прописана, правда? Значит, я одна на родительскую квартиру претенденткой остаюсь?

– Ну да... Ты одна... Претендентка...

– Слава богу, дошло. В общем, я ставлю тебя в известность – квартиру я продам. На эти деньги там и устроюсь.

– Саш... А как же Илька? Ты что, его с собой заберешь?

– Да нет, конечно. Что я, с ума сошла, тащить его в неизвестность? Ильку я хочу пока на тебя оставить. Возьмешь?

– Да. Да, конечно! Я спрошу у Игоря... Нет, лучше у Татьяны Сергеевны... Или лучше у Алексея Ивановича спросить? Как ты думаешь?

– Да ладно, не напрягайся. Я сама с ними поговорю. Ты же все равно не сможешь правильно объяснить, совершенно не так преподнесешь ситуацию, с твоим-то умцом. А меня они уважают. Я знаю. Они мне не откажут.

* * *

Кто-то позвонил в дверь, и Леся вздрогнула. Вот всегда так. Вроде и не виновата ни в чем, а вздрагивала, как трусливая зайчиха. Наверное, это память так пугливо от сердца отскакивала, бежала в свое невидимое постороннему глазу пространство, уступая место реальности. По коридору уже торопливо топала медвежьей поступью Ритка, торопясь открыть дверь. Так уж было у них заведено – Ритка всегда свою хозяйскую дверь сама открывала, не уступая эту сомнительную прерогативу жиличке. Вроде того – пусть каждый свое место чувствует. Что ж, пусть открывает, жалко, что ли. Никто на ее хозяйские права и не претендует. Это Илька, наверное, наконец из школы пришел. Хотя нет, он никогда так настойчиво в дверь не звонил.

– ...Да я на минуточку, на минуточку только! – слышался из прихожей Веркин голос, и вот она уже сама нарисовалась в дверях кухни, кося сердитым глазом куда-то вбок и кривя презрительно губы. – Ну забежала по пути к подруге, жалко вам, что ли? Да понимаю я, что вы здесь хозяйка, прекрасно понимаю.

– Тише ты, развыступалась! – зашипела на нее испуганно Леся. – Чего ты ее дразнишь? Хочешь, чтоб меня на улицу выставили?

– Ой, да ладно! Никуда она тебя не выставит. Потому что иначе от скуки помрет. На ком отрываться-то будет?

Верка плюхнулась на кухонный хлипкий табурет, распахнула полы дорогой шубы, положила ногу на ногу. Потом поменяла ноги, положив обратно с одной на другую, потом снова поставила коленочка к коленочке, подтянула повыше сапоги-ботфорты – сплошная Суета Ивановна, а не Верка. Потом оглядела тоскливым взором кухню, вздохнула:

– Курить здесь, конечно же, не полагается.

– Нет. Не полагается. Говори, чего пришла.

– Ни фиги себе, как ты любимую подругу встречаешь...

– Вер... Я ж тебя просила! Если соскучишься, позвони. Я сама приду, куда скажешь.

– Вот вся ты в этом, Быстрова. Тебя жмут со всех сторон, а ты дрожишь, как серая овечка, слово в свою защиту не можешь сказать! Вот и разбаловала эту лахудру, хозяйку свою. В гости уже нельзя к ней зайти!

– Во-первых, я давно уже не Быстрова. Я Хрусталева. А во-вторых...

– Ага. Хрусталева она. Одна фамилия и осталась на память от прошлой жизни! Все отобрали, сволочи.

– ...А во-вторых, я совсем не серая овечка, и никто меня особо не жмет. Просто жизнь такая. Если б я серой овечкой была, как ты говоришь, то давно бы уже

пропала где-нибудь. А так, видишь, живу. И племянника воспитываю.

– Ага. Воспитываешь. На дорогую сестру Сашеньку пашешь. Она там, в своей Америке, живет себе и в ус не дует, а ты тут по съемным хатам глодаешь. Чего у нас тут на ужин приготовлено, а? Для дорогого племянника? Опять, поди, картошечка вареная? Я угадала, да?

– Почему – картошечка? Вот, сосиски варю.

– Иди ты! Ну, ты даешь, подруга! Успехи делаешь, черт возьми.

– Да ну тебя, Верк... Чего ты взъелась? И без тебя тошно. Пришла и взъелась...

Вяло махнув рукой, Леся подошла к темному окну, стала вглядываться в хлипкий круг света, отбрасываемый от лампочки на подъезде. Редкие колкие снежинки, вырываясь из темноты, красиво вальсировали в световом конусе, тихо ложились на черную затоптанную наледь асфальта. Где ж так долго Илья бродит? Уроки в школе давно закончились. Хоть бы позвонил, поганец! Знает же, как она волнуется!

– Да я не взъелась. Леськ, чего ты? – виновато проговорила за ее спиной Верка. – Это я просто психую из-за отсутствия в жизни справедливости.

– А чего из-за нее психовать? Когда нельзя ничего изменить, и психовать не стоит. Надо просто жить, надо просто исполнять свои обязанности.

– Ишь, какой ты философией стала! От бедной жизни, что ли? А вот я с тобой не согласна, между прочим!

– В чем ты со мной не согласна?

– А в том, что изменить ничего нельзя.

– Так я ж действительно ничего не могу изменить! Квартиры у меня нет и не будет. Ильку я не брошу.

– А как насчет Саши? Она не хочет своим сыном сама заняться? Она тебе хоть звонит когда-нибудь вообще? Или опять пропала, сволочь такая?

– Звонит. Конечно, звонит.

– И что?

– Да ничего. Отстань.

Вот же зануда эта Верка! Ну кто ее просит бить по-большому? Не рассказывать же ей, что Саша, например, позавчера как раз и звонила? И что после разговора этого хныкало все внутри, как у маленькой глупой девочки, и непонятно было, что там так хныкало – то ли привычное с детства чувство неполноценности перед умной старшей сестрой, то ли пристыженность за свои действительно не шибко умные поступки. Можно сказать, ужасные поступки. Даже теперь, когда об этом разговоре Верка случайно напомнила, внутри нехорошо стало, будто отбросило ее туда, в дом Хрустальных, на семь лет назад. Нет, нельзя ей об этом думать! И хныкать нельзя, хоть и виновата кругом, и перед Сашей тоже, получается, виновата.

– ...Леся, обязательно занимайся с Ильей английским языком! Найми хорошего репетитора, поняла? Ты слышишь меня? – дробился в трубке короткими волнами далекий и строгий Сашин голос. – Как он учится, кстати? Ты в школе когда последний раз была?

– Да не успеваю я в школу, Саш... У меня график неудобный, с десяти до восьми! А на английский у меня денег нет. Может, ты пришлешь немного?

– О господи! Да где я возьму, Леся? Ты думаешь, тут доллары на каждом шагу раздают всем желающим? Их, между прочим, зарабатывать надо! В поте лица! Тут такая жизнь сложная, что... Господи, да что я тебе объяснять буду? Все равно не поймешь. А уроки английского все равно Илье давать надо. Если я его сюда заберу, а он ни в зуб ногой... Что я с ним делать буду? Ты поняла меня, Лесь?

– Да, поняла, Саша. Как только появится возможность, я обязательно...

– Опять ты мне про возможности, Леська! Ну сколько уже можно-то? Между прочим, у тебя этих возможностей было – хоть отбавляй!. Сама ж во всем виновата! Сама наворотила, сама опозорилась! И как ты вообще сообразила такое? Я тогда позвонила, помню, Игорю, и он мне объявил... Я ж чуть с ума не сошла! Даже не поверила ему сначала. Это ж надо было такое вытворить!

– Это не я, Саш... Нет, вообще-то все так и было, конечно... Но я не виновата, оно само вышло!

– Да ладно, чего уж теперь прошлое ворошить... Назад не воротишь.

– А когда ты приедешь, Саш? Я ж тут одна совсем.

– Не знаю. Не могу сказать. Ладно, давай, пока. Я и без того на разговоры с тобой бешеные деньги трачу.

Деньги, деньги, всюду эти проклятые деньги! На жизнь не хватает, на еду не хватает, ни на что не хватает... Может, у Верки подзанять, раз она так искренне о ней переживает? Вон, и Сашу обругала, сволочью назвала.

– Вер, ты мне займы не дашь немного? – резко обернулась Леся к подруге. – Я отдам... Честное слово. Сверхурочные возьму и отдам.

– Да ты что, Лесь, рехнулась, что ли? – обиженно подняла на нее глаза Верка. – Ты же знаешь мою ситуацию. Мой же мне ни копейки в руки не дает! На работу не гонит, но и денег не дает. А сейчас, когда всех этим дурацким кризисом пугают, так вообще зверь зверем стал! Видишь, в одной шубе второй год уже хожу?

– Ну да. Вижу, – грустно усмехнулась Леся. – И сочувствую. Очень большое горе – вторую зиму одну и ту же шубу носить.

– А ты не смейся, Леська. Для меня и правда горе. И в Новый год мы нынче никуда не поедem, будем дома сидеть. Эх, что за жизнь пошла? Ты знаешь, мне кажется, что этот кризис жадные мужики сами себе придумали, чтобы от жен отмахиваться. Нашли отмазу. А на самом деле никакого такого кризиса и нету.

– Есть, Верка. Есть. У нас на работе слушок прошел, что большие сокращения грядут. Боюсь, в одночасье работу потеряю. Тогда вообще труба мне будет.

– Слушай... Так ты у этой... У бывшей своей свекровки денег попроси. Она ж вроде с тобой отношения поддерживает?

– Ну да, поддерживает... Тайком от мужа и сына. Потому и денег мне дать не сможет. Откуда у нее? Она и так мне помогает. Ильке вон на зиму теплую куртку и ботинки приволокла, телефон сотовый... Правда, не новое все. Уж не знаю, где она это берет. А спрашивать неудобно. Может, знакомые какие отдают. Все вещи дорогие, приличные. Хорошая женщина Татьяна Сергеевна, душевная.

– Так чего ж она тогда, семь лет назад, за тебя не заступилась?

– Она заступилась. Только никто ее не послушал. Не могли они ее послушать, возможности такой не было. Да ты сама все знаешь, я ж тебе рассказывала.

– Ну да. Помню. Что ж, держись, подруга... Что я могу тебе еще сказать? Нет, я бы точно дала, если б у меня были. Говорю же, мой меня круто прижал. Даже в Новый год никуда не едем. Господи, дался же мне этот Новый год!.. Нет, правда, когда такое было-то? Настраиваешься весь год на этот дурацкий праздник, а что выходит? Дома встречать, в семейном кругу перед телевизором? Какая мне, на фиг, радость от этого семейного круга? И тем более от телевизора? Да еще и домработницу, зараза, уволил.

Верка вздохнула тяжело, осела на стуле мягким кульком, запахнув на коленях полы норковой шубы. Потом встрепелась, глянув на часы, подскочила резво:

– Все! Побежала я, Леська! Мне еще в магазин за продуктами заехать надо. Я ж теперь не просто сама по себе мужняя женщина, я еще и кухарка! Надо ужин готовить. Хотя кулинарка из меня, как из балерины шпалоукладчица... Не провожай, я сама за собой дверь захлопну.

Чмокнув Лесю в щеку и взмахнув полами легкой шубки, она вальяжно полетела через коридор к входной двери, как черная сытая моль. Леся смотрела ей вслед, улыбаясь, хорошая девка эта Верка! Верная подруга детства. Приходит, не забывает... Правда, она не дружить, а, скорее, самоутверждаться на ее фоне приходит, но все равно – хорошая. А кто не без греха? Приятно же осознавать,

что кто-то в сто раз хуже тебя живет. Нормальное вполне женское чувство.

– Вер! Погоди, Вер! – неожиданно окликнула ее Леся.

– Чего? – уже у самой двери притормозила Верка, обернувшись.

– А мне сегодня нагадали, что у меня скоро все хорошо будет. Чтоб я жила пока, как трава под снегом, пригнувшись, а потом снег растает, и...

– ... И все прямо с неба на тебя упадет? Прямо в руки? Богатый мужик тебя в этой съемной хате найдет и с чужим ребенком замуж возьмет? – неожиданно зло проговорила Верка, возясь с замком. Открыв дверь и ступив одной ногой в парадную, застыла на секунду, потом обернулась, произнесла грустно: – Дура ты, Леська, дура. И раньше дурой была. Тебя жизнь бьет, а ты все никак не поумнееешь. До сих пор в сказки веришь.

* * *

Вот так. Получила от подруги. Спасибо, утешила. И зачем приходила, спрашивается? Что, без Верки она не знает, что не шибко умна? Была бы умной, жила бы сейчас в законных невестках Хрустальных, носила бы норковые шубки, как Верка, да на кризис бы с высоты своего благополучия так же красиво жаловалась. Хотя при чем тут?.. В той ситуации никакой ум ей вовсе бы и не пригодился. И вообще, хватит об этом думать! Столько уже думано-передумано, пролито горячих слез в одинокую ночную подушку, найдено объяснений и самой себе сомнительных оправданий. Вот именно, что сомнительных. Нет ей никаких оправданий. Что было, то было. От реального факта никуда не денешься, как сказал тогда свекор Алексей Иванович.

А как все хорошо тогда у них было! С Игорем жили – даже поругаться толком не умели. Так, подуются немного друг на друга из-за мелочовки. Она ему хорошей женой была. Не капризничала, в дела не лезла, денег сверх меры не просила, по подругам да по клубам без мужа – ни ногой, к свекру да к свекрови – с почтением. Чем не идеальная женушка? И к устоям жизни семьи Хрустальных быстро привыкла, хотя Саша и называла злобно этот устой холуйским. Вроде того – вся семья в холуйском жизненном ритме живет. Ну да, живет. Что в этом особенного? Не помешало же ей, однако, это обстоятельство в их семье своего

сына оставить, а самой в Америку уехать, счастье искать. А Ильку они приняли и любили, как могли. И холуйские устои им не помешали.

Игорь каждое утро рано вставал, уезжал вместе с отцом в офис к Командору. Он там тоже при должности был, хоть и при маленькой – отвечал то ли за сигнализацию, то ли за видеонаблюдение, – Леся в тонкости его обязанностей не вникала. Ее задачей было – раньше Игоря с постели подскочить да на кухню спуститься, завтрак мужчинам сообразить. Она любила это утреннее время. За окном птицы поют, в открытое окно запах росы и медовых трав рвется, смешивается с ароматом кофе и сырных гренков. Игорь любил на завтрак сырные гренки. А Алексей Иванович яичницу на сале любил. И чтоб оно шкварчало на сковороде до темной корочки. А потом она выходила с ними на террасу, смотрела, как они идут по двору, садятся в машину, ждут, когда Командор из дома выйдет. С террасы усадьба Командора хорошо просматривалась. Специально так дом и строили в свое время, на взгорке, чтоб каждый уголок просматривался. Каждый кустик. Поначалу Лесе это странным казалось, а потом ничего, привыкла. Ну хочется человеку, чтобы вся его жизнь под чьим-то бдительным оком проходила, что здесь такого? Может, ему так спокойнее? Тем более бдительное око ему не чужое, оно в лице верного Алексея Ивановича представлено. А на приложенных к этому оку домочадцев можно и внимания не обращать.

Сама Леся Командора боялась. Всегда старалась прошмыгнуть незаметно в спальню, когда он в дом заходил за какой-нибудь надобностью. Очень боялась. Почему – объяснить не могла толком. Когда убежать не удавалось, изо всех сил старалась не показать своего перед ним страха, улыбалась покорно и вежливо, а внутри все деревенело от его, казалось бы, равнодушного, но в то же время ледящего душу взгляда, и тут же появлялось странное чувство стыда за свое ничемное с ним рядом присутствие. Хоть сквозь землю проваливайся. А он ухмылялся противно и глумливо. Чувствовал ее страх. Нравилось ему, видно. Некоторые люди страсть как любят чужой страх. И даже мелким страхом, таким, как у нее был, девчачьим, не гнушаются. Интересно, если б она вовремя спохватилась и начала изживать из себя эту непонятную скованность в присутствии Командора, все бы по-другому в ее жизни сложилось? Если б знать тогда, если б знать...

Проводив мужа и свекра, Леся возвращалась к себе в спальню, бездельничала остаток утра, пока Илька не просыпался. Татьяна Сергеевна поздно вставала, у нее ночная бессонница с мигренью была, спала потом до обеда. Они уж и

нагуляться успевали, и на озеро сходить искупаться, а она все из спальни не выходила. Места там были замечательные! Не дураки ж они, которые состоятельные, умели себе участки для загородных домов выбирать. На их территории, например, сосны вековые стояли, толстые-претолстые, а за забором чистый лес начинался, больше на парк похожий. А за лесом озеро по утрам светилось, как большое гладкое зеркало, и никого кругом, только птицы поют да дятел стучит по дереву. Можно прямо в купальнике от озера идти и не бояться, что встретишь загулявших на природе шашлычников. На той природе точно не встретишь. Частные владения потому что. Все для своих, для избранных. Господи, как же хорошо было в этой избранности!

Правда, иногда состояние беззаботности нарушалось раздражением мужа и свекра. Леся не раз слышала, как переговаривались Хрусталевы отец с сыном, дымя сигаретами на террасе, тихо и сердито сплетничали про своего шефа. Вроде того, нечего на подчиненных трудности личной жизни переносить. Лучше отпусти, мол, прежнюю бабу с миром да отступного хорошего дай, а потом уж новую молодую заводи. Леся с вопросами не совалась, конечно, но сразу догадывалась, что речь идет о строптивой модельерше, с которой Командор затеял бракоразводный процесс. Модельерша та не промах оказалась и потребовала законного дележа имущества, чем и ввергла Командора в злобное состояние, стрелой полетевшее в верных соратников. Ничего, стерпели. Тем более вскоре в командорском доме поселилась та самая сериальная актриса, и Леся с восторгом следила за ее утренними передвижениями от красивой каменной террасы к бассейну и обратно. Нравилась она ей. В домашней жизни, без косметики и нарядных буйных локонов, девушка выглядела даже краше, чем на экране телевизора. Сниматься Командор ей больше не разрешил – таково было главное условие сомнительного замужества. Игорь говорил, что она даже контракт специальный подписала, что в кино больше не пойдет. Леся еще подумала тогда, примеривая ситуацию на себя: ни за что б на ее месте кино на Командора не променяла. Такая красавица, такая талантливая, как же она с этим холодным и властным чудовищем в постель ложится? Замерзает, наверное, бедненькая.

Видно, и актрису потом стали подобные вопросы мучить. Леся видела из своего укрытия, с каким лицом она выползала к обеду на солнышко – краше в гроб кладут. Под глазами круги, щеки бледные, полные губы изломаны страданием. Командор над ней суетился, конечно. Наряжал, в свет выводил. Но это вечерами в основном, а день-деньской куда денешь? Скучно ей, бедненькой.

– Да какая она тебе бедненькая? – удивленно уставилась на нее Татьяна Сергеевна, когда Леся поделилась с ней своими впечатлениями. – Все бы такими бедненькими были... Ты знаешь, какое он ей кольцо на свадьбу подарил? Такое только в музеях показывать!

– И все равно мне ее жалко! Посмотрите, какое у нее лицо заплаканное.

– Ну так иди, пожалей, раз такое дело. Поговори, пошушукайся по-своему, по-девичьи, ей и легче станет.

– Как это? А разве можно?

– Так отчего ж нельзя? Чего на нее издавна любоваться? Она тебе нравится?

– Ой, конечно!

– Ну так походи, познакомься. Может, и подружитесь. Вы обе молодые, вам есть о чем поговорить. А то со скуки засохнешь со мной, с больной старухой, сидеть.

– Ой, да я стесняюсь. Как это – познакомься? Кто я и кто она.

– Да кто, кто она? Обыкновенная девица. Подумаешь, в сериале снялась! Туда сейчас всех прямо с улицы берут, и киношного диплома даже не требуют! Иди, иди, не бойся...

Актриса явлению на своей территории Леси очень обрадовалась. Встала с шезлонга, с улыбкой пошла навстречу. Только представилась почему-то Валею. Хотя Леся точно помнила, что зовут ее Валерией. И тут же сомнения свои вслух высказала, на что Валя рассмеялась доверчиво:

– Какая ты странная, Лесь... Не могла же я Валентиной в титрах да в интервью называться! Что это за имя для актрисы – Валентина? Допотопное какое-то, из пятидесятых годов... Валентина Серова в шляпке и фильдеперсовом платье! Тем более и фамилия у меня не совсем звучная. То есть была не совсем звучная... Слушай, а давай мы с тобой чего-нибудь выпьем? Ты вискарик будешь?

– Да я вообще-то не пью...

– Что – совсем?

– Ага... Мне ж еще детей рожать.

– Ну да. Молодец. Правильно. Я тоже раньше совсем не пила. А как замуж вышла... Нет, Андрей меня любит, конечно, он все для меня делает... А только... Ладно, я лучше выпью. За знакомство! Сейчас, погоди... В дом за бутылкой схожу.

Валентина неловко поднялась из шезлонга, утянула туже поясок на коротком халатике-кимоно, шаткой походкой направилась в дом. Леся вдруг поняла, что она уже пьяна в стельку, но отступать было поздно. Не сбегать же домой, пока Валентина за своим вискариком ходит.

Вернувшись с большой бутылкой и двумя стаканами, Валя уселась прямо на траву. Плеснув коричневую жидкость в стаканы, улыбнулась Лесе размыто:

– Давай, поддержи компанию!.. И ради бога, не смотри на меня так. Что я тебе, телевизор, что ли? Ты думаешь, все актрисы святые? Не пьют, не лгут, замуж за старых пердунов не выходят? Да ни фига подобного... А... А Андрей еще и не старый вовсе...

Икнув, Валя лихо опрокинула в себя свою порцию виски, махнула рукой, потом ткнулась носом Лесе в плечо, помотала туда-сюда неприбранной головой.

– У тебя лицо хорошее, Лесь... Живое. Давно я таких лиц не видела. Соскучилась даже. Понимаешь, тошно мне. Казалось, все абсолютно сыграть могу, и даже любовь могу. Да не тут-то было. Он от меня любви ждет, хотя бы киношной, липовой, а я не могу. На тусовках телок обнимает и все в мою сторону глазом косит, ждет, что я в ревность ударюсь, кучу эмоций выдам. А я не могу, и все! Переклинило меня. Что теперь делать-то, а?

– Не знаю. Валь... Слушай, а пойдем в лес, погуляем?

– Куда? – уставилась Валя на нее пьяными удивленными глазами.

– В лес! Знаешь, как там хорошо? А еще за лесом озеро есть, там вода чистая-чистая... Искупаемся, поплаваем!

– Так вон же бассейн... Плавай себе, сколько хочешь... – вяло махнула Валя рукой в сторону голубой воды бассейна.

– Да ну, это не то. Пойдем, я покажу тебе, где черника вместе с земляникой растет. Целая поляна! Знаешь, как красиво? Черное с красным. Я сама бы не заметила, мне Ильяка показал.

– А кто такой у нас Ильяка?

– Да это племянник мой. И его тоже с собой возьмем. С ним в лес ходить – одно удовольствие! Он маленький еще, а красоту уже по-особенному чувствует. Идет, идет себе и вдруг встанет как вкопанный и замрет надолго. Спросишь его, отчего замер? А он ручку протягивает и говорит шепотом: смотри, как солнышко сквозь листочки красиво сломалось!

– Творческий человек растет, значит?

– Ага. Сильно творческий. А еще он музыку любит слушать. И рисует хорошо. Игорь говорит, что его в художественную школу возить пора. С осени начнем, наверное. Ну так что, пойдешь с нами в лес?

– Что ж, пойдём... Пойдем! А то напьюсь опять! Сейчас, погоди, я оденусь только.

Так они и задружили на фоне лесных прогулок. Гуляли, беседовали о своем, о девичьем, пили потом чай на террасе у Хрустальных в компании Татьяны Сергеевны. Валя ее к себе в дом зазывала, но Леся держалась стойко, чуяла свое место. Дружба дружбой, а дом дому рознь. Для Вали же Леся оказалась просто кладом – была и советчицей, и благодарной слушательницей одновременно.

– ...Слушай, Валь! А ты себе ребенка роди! Тогда и в жизни смысл появится. А то ведь действительно с ума сойдешь без работы, без творчества, или сопьешься.

– Ага, роди... Легко сказать – роди! От кого я рожу-то?

– Так от мужа, от кого еще?

– Нет, Леська. Не все так просто, как кажется. У него детей в принципе быть не может.

– Да ты что? А ты откуда знаешь?

– Так он сам сказал... У него давно, в молодости, пулевое ранение было. Он же из бывших бандитов, из сильно круторылых в бизнес пришел.

– И что, ранение в то самое место было, что ли?

– Да нет, с этим местом все как раз в порядке... В сильно относительном, конечно, но в порядке. Просто пуля задела там что-то... Он говорил, я не запомнила. В общем, баб меняет как перчатки, а детей нет. И не будет. Несчастный мужик. Сильно крутой и сильно несчастный. Да ладно, чего мы все о нем?.. Больше поговорить не о ком, что ли?

А потом пришел тот проклятый день, забыть бы его, стереть из памяти к чертовой матери! День рождения Вали. Угораздило ее приболеть слегка, потому и отмечать решили в домашней обстановке, в узком семейном кругу. И Хрусталевы были приглашены. Валя на этом настояла, наверное. Все-таки Леся теперь у нее в подругах числилась. В сентябре это было. С утра погода хорошая была, а к вечеру дождь пошел, и гостевая тусовка перетекла с усадьбы в хозяйские покои, распределилась по большому каминному залу, кто где. Кто у стола выпивал, кто на диванах мягких развалился. Валя пропала куда-то, и Леся пошла ее искать, забрела случайно в коридорчик какой-то. И чего ее понесло туда?

Командор вырос перед ней неожиданно, как из-под земли. Леся даже испугаться толком не успела, как обычно. Просто впала в состояние, которое даже испугом назвать нельзя. Это было другое что-то, похожее на жестокий гипноз. Он схватил ее, поволок куда-то, и даже ни одной здоровой мысли в ее бедной голове не промелькнуло, что можно было оттолкнуть, сопротивление оказать. Какое там сопротивление, боже мой! Пока он с нее платье сдирал, стояла истукан истуканом, даже дышать не могла. А уж потом и тем более себя не чувствовала. Будто со стороны на себя смотрела и ужасалась происходящему. Если б она понимала тогда, что еще одни глаза за ней наблюдают... Вернее, один глаз.

Портативная камера послушно записала весь эпизод, мигнула красным зрачком. Да если б и знала, чтобы это изменило? Она, Леся, и не человек тогда была, и не женщина, а так, существо, мерзкой чужой властью раздавленное. Пока Командор на ней возился, старалась хоть как-то сосредоточиться, потолок рассматривала. Красивый в той спальне был потолок. С золотой лепниной. Потом, как сквозь вату, услышала насмешливое и грубое:

– Ну? Чего разлеглась, давай вставай! Иди к гостям...

Она кое-как сползла с мягкого пружинного ложа, дрожащими руками натянула на себя платье. Вышла из комнаты, постояла немного, соображая, куда ей идти.

– Направо! Направо! – услышала за спиной глумливый голос. – Соображаешь, где право?

Выйдя вслед за ней из спальни, он развернул ее за плечи, показал рукой направление. И подтолкнул в спину – иди... Она и пошла. Войдя в гостиную, рухнула на диван, уставилась не мигая на мельтешащих гостей.

– Лесь, что с тобой? Ты напилась, что ли? – участливо спросил Игорь, подсев к ней. Взял ее вялую руку в горячие ладони. – Тебе плохо, да, Лесь? Может, домой пойдём?

– Да... Да, пойдём... Сейчас, погоди... – пролепетала она так тихо, что он с тревогой наклонился над ее лицом, провел ладонью по щеке.

– Ты бледная такая... Господи, да что с тобой? Погоди, я тебе воды принесу!

Леся протянула вслед да ним вялую руку, будто не хотела отпускать его от себя. Лучше бы и впрямь они домой пошли. Там можно под горячий душ встать. Отогреться. Оттаять в теплом домашнем пространстве, не чувствовать себя куренком, вынутым из морозильной камеры. А потом – будь что будет. Рассказать, например, все Игорю. Или нельзя? Или он не поймет? Нет, нельзя, наверное, про это рассказывать. Да и не получится у нее, чтоб рассказывать.

– Ой, господа, я же совсем забыла, сегодня же нашу Валерию по телевизору будут показывать! – заполошно возопила какая-то тетка с открытыми полными

плечами, бросаясь к телевизору. – Включайте скорее! Где у вас пульт, Валерочка?

– Да ну... – лениво отмахнулась Валя-Валерия от тетки, кокетливо хохотнув. – Ладно бы интервью какое, а то пригласили в качестве гости на «Пусть говорят»... Нет, не надо, не включайте, я там плохо выгляжу! И вообще, ужасная передача. Приводят всякий сброд с улицы, а потом заставляют комментировать эту маргинальную галиматью. К чему? Что это изменит? Нет, не люблю! Не включайте!

Тетка ее не послушала, заполошно начала рыскать по углам в поисках пульта и успокоилась, когда получила его таки в руки. Все заинтересованно сгрудились у экрана – кто стоя, кто плюхнувшись в многочисленные кресла и креслица. И с Лесей рядом присела на диван высокая женщина с мосластыми плечами и стрижкой под мальчика, заняла место Игоря.

На экране возникло сильно заплаканное полное женское лицо, прорыдало что-то в камеру, и ведущий с модной небритостью и в ослепительно-белой рубашке бросился к этому лицу по-отечески, демократично присел на подлокотник белого кресла, красиво покачивая аккуратной ножкой. Леся не слушала, что они там говорили. Не могла слушать. Поискав глазами Игоря, попыталась было встать, но тут же огромный экран телевизора погас и зарядил крупной рябью, выдав в углу значок «видео». И тут же осветился снова. Другим кадром. Спальня. Постель. Седая голова Командора. Потом спина. Потом твердая, ходящая ходуном задница. А вот ее бледное кукольное лицо крупным планом. Почти неживое. Открытая голая грудь. Лепнина на потолке. С позолотой. И звуки, производимые Командором. Звериное мерзкое кряхтение. И голос его за спиной, уже отсюда, уже не с экрана – удивленный, громкий, весело-глумливый:

– Фу, господа... Кто и зачем этот гадкий сюрприз устроил, а? Признавайтесь! Кто приволок сюда эту кассету? Разве можно такое, при молодой жене?.. Она ж меня теперь со свету сживет, каждый вечер скалкой по голове бить будет! Уберите, уберите это немедленно!

В наступившей гробовой тишине половина голов повернулась на звонкий хохот Командора, половина – в сторону застывшей у экрана с бокалом в руке Валерии. Народ ожидал скандала. Однако Валерия как стояла, так и продолжала стоять, задумчиво вертя в длинных пальцах ножку бокала. Ничего особенного, кроме крайней степени удивления, на ее лице написано не было. Ни ревности, ни

гнева, ни других приличных для случая чувств. На Лесю никто не смотрел. Наверное, ее и не узнал никто там, на экране. Не идентифицировал. Кроме семьи Хрустальных, разумеется. Для остальных она – просто баба под Командором. Никто. И звать никак.

Леся не помнила, как ей удалось самостоятельно встать с дивана. Пройти к выходу. Хорошо дошла, даже не задела никого. Потом по розовой плиточной дорожке к своему участку под сильным дождем шла, потом по террасе дома, потом на второй этаж поднялась, оставляя за собой мокрые следы... Даже к Ильке в комнату заглянула. Он спал на животе, безмятежно раскинув руки по подушке, сопел тихонько.

Встать под горячий душ ей сил все же не хватило. Забралась, как была, в мокром шелковом платье в постель, натянула одеяло на голову, затряслась, словно в лихорадке. Сколько так лежала, не запомнила. Потом успокоилась. Окунулась в сырую горячую дрему, а очнулась уже от голосов, доносившихся снизу. Но разобрать ничего не смогла, как ни прислушивалась. Что-то отчаянно говорил, почти кричал Игорь, ему вторил возмущенный басок Алексея Ивановича. Потом все смолкло. Открылась тихо дверь спальни – Игорь вошел. Сел на край кровати, дотронулся до одеяла, произнес убито:

– Вставай, Лесь... Поговорить надо.

Она еще больше сжалась под одеялом, потом резко скинула его, села на постели, заговорила быстрым отчаянным шепотом:

– Я... Я не знаю, как это получилось, Игорь! Я сама не знаю! Я испугалась... Я не виновата, Игорь...

– Да знаю я, что ты не виновата! Успокойся. Я тебе верю, Лесь. Но понимаешь, тут такая штука... Нельзя тебе больше здесь оставаться. Совсем нельзя. Ты пойми, не может отец место терять. Ну как, как мы дальше жить будем, после всего случившегося? Тут же нашего ничего нет, этот дом на деньги хозяина построен. Такая жизнь, Лесь. Ничего не поделаешь.

– А... Как же мне теперь? Куда мне? Ты... разведешься со мной, да?

– Выходит, разведусь. Нельзя мне перед хозяином быть посмешищем. Отец прав. Прости меня, Лесь.

Он дернулся было к ней, но на полпути опомнился, метнулся обратно, как от прокаженной, сжал голову руками, заскулил щенком. Леся видела, как замерла мутной каплей слеза на самом кончике его носа. Повисела немного и капнула на ковер. Потом еще одна повисла. Шмыгнув носом, Игорь отер щеки тыльной стороной ладоней, тряхнул головой, решительно встал с кровати. Распахнув дверки шкафа, начал выкидывать на кресло Лесину одежду – платья, джинсы, костюмы, туда же и шубка норковая полетела, еще не надетая. Красивая, беленькая, с большим капюшоном. Вместе в магазине выбирали. Скользя, шубка выпала из общей одежной кучи, упала ему под ноги вялым жалким комком. Игорь не заметил, наступил на нее ботинком. Потом обернулся к Лесе, развел руки в стороны, проговорил тихо:

– Ну вот и все вроде бы. Сейчас чемоданы принесу.

– Мне что, прямо сейчас надо уйти? Илья же спит...

– Нет. Куда ты пойдешь ночью? Все это завтра... А Илью можешь оставить. Пока не устроишься. Мать отца уговорила его оставить. Они привыкли к нему.

– Нет. Он со мной пойдет. Он мой, а не ваш.

Бог знает откуда у нее в такой ситуации гордость взялась. Но произнесла Леся эту фразу определенно с гордостью. Игорь посмотрел удивленно, его губы снова задрожали, потом не выдержал, кинулся к ней, обхватил руками, прижал к себе. Сильные у него были руки. Привычно сильные. Она раньше думала, что и он тоже сильный, ее муж.

– Лесь... Давай хоть последнюю ночь... Вдвоем...

– Нет. Не будет никакой последней ночи. Иди, неси чемоданы. Мне собираться надо.

Игорь повиновался молча, от двери обернулся, произнес тихо:

– Прости... Не уберег я тебя.

Ранним утром Леся вместе с Илькой спустились вниз – гладко причесанная, бледная до синевы, наглухо застегнутая на все пуговицы длинного черного плаща. Игорь нес чемоданы, осторожно спускался за ней по ступенькам, весь будто сосредоточившись на этом занятии. Илья ничего не мог понять спросонья, жался к Лесиному боку испуганно. Вышла из кухни Татьяна Сергеевна – с черными полукружьями под глазами, следами горькой ночной бессонницы.

– Лесь... Давай я его хоть завтраком накормлю...

– Нет. Не надо. Спасибо.

Вслед за женой выглянул из кухни мрачный Алексей Иванович, глянул виновато и тут же отвел глаза. Пробурчал сердито:

– Тебе есть куда идти, Леся?

– Нет. Некуда.

– Тогда вот...

Он протянул ей какую-то бумажку, и Леся взяла ее автоматически, сунула в карман плаща.

– Там адрес... Я договорился, это съемная квартира, тебя там ждут. Я за месяц вперед заплачу, живи, пока не устроишься. А Илью оставь. Он нам не мешает.

– Нет. Он поедет со мной.

– Ну что ж... Тогда с богом. Тебя отвезут. Не держи на нас зла, Леся. Никто не виноват, это жизнь такая. Надо ж ее как-то жить, мать твою...

Махнув рукой, он вздохнул тяжело, сильно провел рукой по плешивному затылку. Леся молчала, смотрела куда-то поверх его головы. Надо было сказать что-то, попрощаться по-человечески, но она не могла. Испугалась, что после первого же

слова заплачет, потеряет последние силы, упадет на колени, будет ползать перед этими людьми, просить прощения. Нет, лучше уж так – повернуться молча и уйти. Действительно, не в прощении тут дело. Они бы простили. Они и без прощения все поняли. Только кто она им? Никто. Не перетянет она чашу весов. Куда ей с Командором тягаться?

В той съемной квартире они с Илькой прожили оплаченный Алексеем Ивановичем месяц. Развели их с Игорем в районном загсе быстро, за один день. Все по-деловому прошло, без слез. Тем более Игорь сильно торопился куда-то, все на часы поглядывал. Татьяна Сергеевна приходила потом, поддерживала ее, как могла. Только поддержка ее на Лесю никак не действовала. После ухода Татьяны Сергеевны она начинала тихо плакать. Хотелось, конечно, по-настоящему пореветь, навзрыд, но Ильку было жалко. Мальчишка все чувствовал, глядел на нее прозрачными понимающими глазами, ничего не просил, жался к плечу белобрысой головой.

Через месяц хозяйка квартирная позвонила, потребовала решительно – или съезжайте, или дальше платите. А куда им было съезжать? Пришлось тете Маше Яшиной звонить, многодетной маминей подруге, просить совета, как дальше жить. Тетя Маша заохала, запричитала в трубку поначалу, а потом собралась с мыслями, велела к ней приезжать. В двухкомнатную квартирку, где и без Леси с Илькой проживало восемь человек – тетя Маша с мужем, старенькая бабушка и пятеро детей от мала до велика. Старшему было двадцать, как Лесе, а младшему всего шесть, как Ильке. Даже спать на ночь на полу устроиться – и то проблема.

Но ничего, устраивались. Тетя Маша здорово ей тогда помогла, надоумила на курсы компьютерные пойти, где программам всяким операторским учили, и денег дала. Хорошие были курсы. Даже бумажку Лесе там выдали, удостоверяющую, что она теперь, Лесья Хрусталева, не абы как попусту небо копит, а является квалифицированным оператором персонального компьютера, всякие-разные учетные программы знает. Потом она на первую работу устроилась. И сразу от тети Маши ушла, поблагодарив ее сердечно за помощь. Квартиру однокомнатную сняла. Правда, позже с той съемной квартиры съехать пришлось – заработанных денег хватило впритык на ее оплату. Лесья подешевле жилье нашла, на окраине города. Потом их много еще было, квартир этих. И все равно денег на то, чтобы за них платить, не хватало. Надо было комнату искать. Съемный угол. Так ее судьба в Риткину квартиру и привела.

– ...Ну что, все еще дуешься? – прозвучал у нее за спиной Риткин голос.

Леся вздрогнула, улыбнулась: помяни Ритку в мыслях, она уж и тут как тут.

– Да делать мне больше нечего, – равнодушно отмахнулась она. – Сейчас все брошу и дуться на тебя начну.

– Ну вот и молодец. А с деньгами – это я так, погорячилась немного. На, возьми свои сто долларов. Нет, сама прикинь, да? Где в жизни справедливость? Я ее в гости пригласила, стол накрыла, а она мне – пустые хлопоты. А тебе – кучу мужиков.

– Да какую кучу, Ритка? Ерунда все это! Не верь.

– Да я и не верю. Откуда у тебя мужики возьмутся? Ты на себя в зеркало давно смотрела? Ходишь – лахудра лахудрой, не одета, не обута... Твоя подружница могла бы и приодеть тебя с барского плеча! А то ходит тут, на нервы действует!

В прихожей на полуноте тренькнул дверной звонок, и Леся вздохнула облегченно: наконец-то! Явился племянничек. Только он так в дверь звонил – будто извинялся.

– Иди, открывай... Твой пришел. Мужик обещанный.

Ритка хохотнула коротко, уступая ей дорогу, потом вздохнула вслед – ишь, как помчалась... Потом постояла еще в коридоре, чутко прислушиваясь к диалогу в прихожей:

– Ты почему так долго, Илюш? Знаешь же, что я волнуюсь!

– Да к нам в школу тетки приходили из какого-то фонда! Пять моих рисунков с собой забрали, будто бы на выставку в Москву повезут.

– Ух ты! Здорово! А почему ты мне не позвонил? Я бы не дергалась.

– Да я, Лесь, телефон потерял.

– Как?! Где?

– Я и сам не знаю... Сунулся, а его в портфеле нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolochkova_vera/lyubov-ne-pomnit-zla

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)